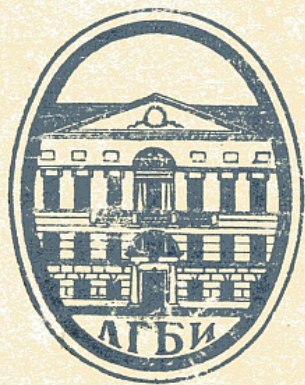

Министерство культуры РСФСР
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
БИБЛИОТЕЧНЫЙ ИНСТИТУТ
имени Н. К. КРУПСКОЙ

ТРУДЫ

Том 3

ЛЕНИНГРАД
1958

Кафедра библиографии

Л. М. РАВИЧ

ИЗ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПЕЧАТИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Государственная библиографическая регистрация в России возникла впервые в виде «Указателя вновь выходящих книг», публиковавшегося в «Журнале Министерства народного просвещения» в 1837—1855 годах.

Существуют два мнения относительно причин возникновения государственной библиографической регистрации. Первое из них высказал Н. В. Здобнов¹, утверждавший, что «Указатель вновь выходящих книг» печатался исключительно по цензурно-полицейским соображениям для информирования «официальных и неофициальных наблюдателей за действиями цензуры и за обращением книг»².

Противоположное мнение высказал Н. Н. Аблов, который считал, что государственная библиографическая регистрация в «Журнале Министерства народного просвещения» была организована его редактором К. С. Сербиновичем, в связи с библиографическими интересами последнего³.

В настоящее время принята в основном точка зрения Н. В. Здобнова. Она нашла отражение в программах курса общей библиографии для библиотечных институтов и техникумов и в ряде трудов, посвященных истории русской библиографии. Так, подобная точка зрения проводится и в книге М. В. Сокуровой «Общие библиогра-

¹ Впервые эта точка зрения была подробно изложена Н. В. Здобновым в статье «Государственная библиографическая регистрация при царизме». — «Сов. библиография», 1935, вып. 4 (12), с. 75—84.

² Здобнов Н. В. История русской библиографии до начала XX века. Изд. третье. М., 1955, с. 260—261.

³ Аблов Н. Н. К столетию первой попытки «официальной» регистрации произведений печати в России (1837—1855). — «Сов. библиография», 1937, № 1, с. 95—108. По мнению Н. Н. Аблова К. С. Сербинович в первые годы сам производил описание печатавшихся в «Указателе» книг.

фии русских книг гражданской печати», а также, отчасти, во вступительной статье к этой книге проф. П. Н. Беркова¹.

Как же аргументирует Н. В. Здобнов свой тезис о цензурно-полицейских функциях «Указателя вновь выходящих книг»?

Во-первых, Н. В. Здобнов считает, что указатель возник в негласных условиях. Вследствие этого правительство не объявило о его появлении. В программе ЖМНП «Указатель» первые два года не предусматривался. «Государственная библиографическая регистрация была введена молчаливо только потому, — пишет Н. В. Здобнов, — что правительство ставило ей не научные, а цензурно-полицейские задачи, притом такого свойства, о котором неудобно было громко говорить»². По этой же причине составители «Указателя», «далеко незаурядные библиографы», «обрекли себя на неизвестность».

Во-вторых, по убеждению Н. В. Здобнова, цензурно-полицейские функции «Указателя» обусловили и отбор литературы для него. Упор делался на католические и протестантские книги, которыми заполнялся отдел «Богословие» и которые требовали особо бдительного внимания «наблюдателей» за печатью, в то время как православные книги регистрировались только один раз в год в «Дополнениях». Отдельной рубрикой — по тем же причинам — выделялись и еврейские книги.

И, наконец, в качестве доказательства своей точки зрения Н. В. Здобнов указывает на то, что принявший в 1855 году редактирование журнала профессор А. В. Никитенко, хорошо понимавший научное значение государственной библиографической регистрации, сразу же прекратил печатание «Указателя», т. к. «видел в нем только цензурно-полицейское орудие».

Таким образом, Н. В. Здобнов (точно так же, как и Н. Н. Аблов), не имея в своем распоряжении никаких документальных данных о причинах возникновения «Указателя вновь выходящих книг», строит свою гипотезу на ряде косвенных доказательств. Оба эти мнения требуют коренного пересмотра.

**

По чьей же инициативе возникла государственная библиографическая регистрация? Какие цели она преследовала? Где составлялся «Указатель вновь выходящих книг» и кто были люди, в течение восемнадцати с половиной лет описывавшие русскую книжную продукцию?

¹ Библиография русской библиографии. Аннотированные указатели. Сокурова М. В. Общие библиографии русских книг гражданской печати. 1708—1955. Аннотированный указатель. Под ред. и со вступит. статьей проф. П. Н. Беркова Л., 1956 (Гос. ордена Трудового Красного знамени Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина), с. 114 и с. 37.

² Ср. другую точку зрения в книге Рейсера С. А. Хрестоматия по русской библиографии с XI века по 1917 г. М., 1956, с. 134.

³ Здобнов Н. В., цит. соч., с. 259.

В 1830 году в «Московском вестнике» М. П. Погодина был опубликован «Список всех книг, вышедших в России в 1829 году», явившийся одной из первых попыток создания полной текущей библиографической регистрации и непосредственно предшествовавший «Указателю вновь выходящих книг». Автором его был В. Д. Комовский, в то время правитель дел Главного управления цензуры. В истории русской библиографии В. Д. Комовский известен до сих пор только как автор «Списка» 1829 года. Между тем личность В. Д. Комовского и его роль в развитии государственной библиографической регистрации заслуживают внимательного изучения.

Василий Дмитриевич Комовский (1803—1851) окончил в 1821 году Благородный пансион при Царскосельском лицее и поступил на службу в Министерство народного просвещения, где занимал вначале должность секретаря цензурного комитета и секретаря для иностранной переписки при министре Ливене.

В 1828 году было создано Главное управление цензуры, и В. Д. Комовский назначается правителем дел этого учреждения. С 1833 года он одновременно служит библиотекарем Публичной библиотеки, а в начале 1838 года назначается директором канцелярии министра народного просвещения. Вместе с тем, Комовский известен как переводчик «Немецкой словесности» Менцеля (СПб., 1837—38), «Истории древней и новой литературы» Ф. Шлегеля (СПб., 1829), «Руководства к изучению греческого языка» Зейдштюккера (СПб., 1832), как редактор первого издания стихотворений Н. М. Языкова¹.

В мемуарах современников В. Д. Комовский характеризуется как человек исключительного благородства и тонкого ума. Он «не любил ничего светского, никуда не ездил, был выше житейских дрызг и волнений, любил науку [. . .]. Его перевод истории литературы Менцеля считался очень хорошим», — вспоминает о нем Е. А. Драшусова².

«Комовский человек очень хороший, — записывает в своем дневнике А. В. Никитенко, — с душою чисто шиллеровского покроя»³. По своим взглядам Комовский принадлежал к либеральной дворянской интеллигенции. Будучи по своему служебному положению связанным с цензурным управлением и бюрократической верхушкой Министерства народного просвещения, он, однако, не только не одобрял их действий, но с гневом и возмущением отзывался о гонениях на просвещение и печатное слово.

¹ См. вступительную статью М. К. Азадовского к Собранию стихотворений Н. М. Языкова. М., 1948, с. XXI.

² «Русский вестник», 1881, октябрь, с. 730.

³ Никитенко А. В. Дневник. В 3-х тт. Т. 1 (1826—1857). М., 1955, с. 234. (Запись от 28 июля 1841 г.).

В интереснейшей неопубликованной переписке В. Д. Комовского с Н. М. и А. М. Языковыми¹, дружбой с которыми он был связан на протяжении многих лет, содержится оживленный обмен мнениями о новинках литературы и о политических событиях 30-х—40-х годов, позволяющий нам составить представление о взглядах и общественной позиции Комовского.

«Настает снова черная година для рус[ской] словесности: снова возвращаются темные времена Голиц[ына] и Красовск[ого]. Последняя неделя минувшего года и две недели нового — наложили порядочные кандалы на [. . .] просвещение (если это слово позволено у нас употребить) — и то правда: нам просвещение не пристало», — с горечью пишет Комовский А. М. Языкову 14 января 1831 года².

«Не радостны вести, которые вы получите от меня на этот раз, — читаем мы в письме от 24 февраля 1832 года, — гонения на литературу начались с новою жестокостью и с новою неловкостью [. . .] «Евр[опеец]» запрещен»³.

Обстановку в Главном управлении цензуры Комовский характеризует как «страх и скрежет зубов»⁴ и очень тяготится службой, к которой, не имея других источников дохода, он был, по собственному выражению, «прикован». Человек высокой порядочности, он не принимал участия в литературном сыске, широко практиковавшемся Главным управлением цензуры. «Лив[ен] приставал ко мне, — пишет он А. М. Языкову, — чтобы я читал все журналы и доносил или, как хотите, докладывал ему о всем, недобром и богомерзком. Наконец, я принужден был сказать ему напрямик [. . .], что обязанность доношения по Уставу не входит в обязанности правит[еля] дел Г[лавного] у[правления] цензуры». Это последнее разгорячило Лив[ена] — он сказал, что он мой начальник, приказывает мне, и я должен исполнять приказание начальника. Я заметил ему, что стараюсь всегда соединять действия по службе с убеждением совести, и что мне тяжело подсматривать за проступками посторонних [. . .]. Л[ивен] [. . .] с тех пор не возобновляет своего требования»⁵.

¹ Незначительная часть переписки В. Д. Комовского с Н. М. Языковым за 1831—33 гг. была опубликована М. К. Азадовским в «Литературном наследстве» (№ 19—21, 1935 г.). Упоминание о ней имеется также в его предисловии к книге: Н. М. Языков. Полное собрание стихотворений (М., «Academia», 1934) и в книге «Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период его жизни. (1822—1829). Под ред. и с объяснит. примеч. Е. В. Петухова. СПб., 1913. 502 с. (Языковский архив. Вып. 1-й). Переписка В. Д. Комовского с А. М. Языковым, на которую мы будем в основном ссылаться, осталась неопубликованной и хранится в рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинского дома) Академии наук СССР.

² Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом). Фонд Языковых. Письма В. Д. Комовского к Н. М. Языкову и братьям. 19.4.62. 14/1-1831, л. 1.

³ Там же, Письма В. Д. Комовского к А. М. Языкову. 1498 VII. 15, л. 7, 24/II-1832 г.

⁴ Там же, л. 23, 23/II-1832.

⁵ Там же. Письма В. Д. Комовского к Н. М. Языкову и братьям. 19.4.62, 14 янв. 1831, л. 3—4.

Вскоре после этого Комовский подал прошение об отставке, которая, однако, не была принята Ливеном.

«Мужество ваше в единоборстве с Л[ивеном] меня и радует и восхищает, — пишет ему А. М. Языков. [. . .] Но сколь многие на вашем месте [. . .] просто, без зазрения совести сделали бы все, против чего возмутилось ваше нравственное чувство»¹.

Комовский приветствует появление «Европейца» Киреевского и просит — уже после запрещения журнала — прислать ему окончание статьи «XIX век»². Он восхищается деятельностью братьев Языковых и П. Киреевского по собиранию народных песен, называя ее «делом великим, оригинальным»³, советует своему корреспонденту прочитать запрещенные цензурой «Ямбы» Барбье;⁴ цитирует стихи ссыльного декабриста Кюхельбеккера⁵.

Об отношении Комовского к российской действительности свидетельствует также рассказ А. В. Никитенко, посетившего Комовского, тогда уже директора канцелярии министра, в 1850 г. после учреждения нового комитета по надзору за сочинениями «по части наук и воспитания»: «Был вчера у В. Д. Комовского. Он тоже сильно огорчен этим новым учреждением и с жаром выражал свое негодование. «В Европе напракозят, — заметил он в заключение, — а русских бьют по спине»⁶.

Любопытно отметить, что Комовский остался верен своим убеждениям до конца жизни, — встреча с А. В. Никитенко произошла за год до его смерти. Естественно, что при таких взглядах, да еще обладая «душою чисто шиллеровского покроя», Комовский не мог, да и не стремился сделать карьеру. «И что к вам пристал Ув[аров], — с возмущением спрашивает его А. М. Языков, — помыкает вас всюду, а не видно, чтобы повышал вас рангом или украшал знаками отличия»⁷. «Мне никак не сойтись с Ув[аровым] [. . .]. Этот готов душить по природной склонности, сострадание уже верно его не остановит»⁸, — пишет Комовский своему другу в октябре 1838 г. Тем не менее Уваров, зная Комовского как образованного и добросовестного человека, всячески старался привлечь его к более активной деятельности в Министерстве народного просвещения. Сразу по своем вступлении в должность министра (в 1838 г.) Уваров заваливает Комовского (в это время правителя

¹ Там же. Письма А. М. Языкова к В. Д. Комовскому. № 35, л. 1.

² Там же. Письма В. Д. Комовского к А. М. Языкову. 1498 VII. С. 15, л. 14, 19/V-1832.

³ Там же, л. 4, 14/I-1832.

⁴ Там же. Письма В. Д. Комовского к А. М. Языкову. 1492. VII. С. 10, л. 36. 1/VIII-1832 г. (К письму приложены переписанные рукой Комовского стихи поэта).

⁵ Там же, л. 12. 17/XII-1831.

⁶ Никитенко А. В. Дневник, т. 1, с. 336 (11 апреля 1850).

⁷ Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом). Фонд Языковых. Письма А. М. Языкова к В. Д. Комовскому. 19.4.104, п. № 103, л. 1, 8/VI-1835.

⁸ Там же. Письма В. Д. Комовского к А. М. Языкову. 1498. УПс. 15 л. 8, 16/X-1833 г.

дел Главного управления цензуры) разнообразными поручениями: составлением различных проектов, записок и т. п. Уваров хотел сделать Комовского деятельным сотрудником, а впоследствии и редактором ЖМНП. «... сует меня в издание министерского журнала»¹, — непочтительно отзывается Комовский о предложении министра. Летом 1834 г., в связи с предполагавшимся отъездом Сербиновича из Петербурга, Уваров действительно предложил Комовскому взять на себя редактирование ЖМНП. Комовский очень тяготился этим предложением и, по-видимому, жаловался своему другу (письма Комовского за этот период не сохранились, но из ответных писем Языкова видно, что Комовский «негодует на [. . .] редакторство, на него взваливаемое»²).

Назначение это не состоялось; Сербинович остался в Петербурге и продолжал редактировать журнал.

Несмотря на то, что Комовский официально назначается директором канцелярии министра народного просвещения в 1838 г., однако, уже с начала 1837 года он фактически выполняет если не все, то часть функций, связанных с этой должностью. В архиве А. В. Никитенко среди сохранившихся официальных и полуофициальных писем к нему В. Д. Комовского за 1833—1847 гг. мы находим письма 1837 года, которые содержат различные приказания и распоряжения, сделанные от имени Уварова и входившие в сферу действия директора его канцелярии³.

Обратимся теперь к библиографической деятельности В. Д. Комовского. Нам известна, как указано выше, одна его библиографическая работа — «Список всех книг, вышедших в России в 1829 году», опубликованный в «Московском вестнике» Погодина (1830, чч. 4 и 5). Как возник этот список? Что побудило Комовского, в то время правителя дел Главного управления цензуры, заняться библиографической деятельностью? Для выяснения этого вопроса нам снова придется обратиться к переписке В. Д. Комовского с братьями Языковыми.

Петр, Александр и Николай Языковы принадлежали к культурной верхушке русского дворянского общества 20-х—40-х годов XIX века. Александр Михайлович Языков (1799—1874) был личностью незаурядной, энциклопедически образованным человеком, интересовавшимся в особенности естественными науками. Окончив Горный кадетский корпус в Петербурге, он брал затем частные уроки у трех известных профессоров: Германа, Арсеньева и Галича, уволенных из университета за свои прогрессивные убеждения. А. М. Языков почти всю жизнь прожил на родине, в Симбир-

¹ Там же. Письма В. Д. Комовского к А. М. Языкову. 1492 VII. С. 10, л. 17, 1/V-1833.

² Там же. Письма А. М. Языкова к В. Д. Комовскому 19.4.104, п. № 91, л. 1, 30/VI-1834.

³ См. Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом). Фонд А. В. Никитенко, письма Комовского В. Д. к Никитенко А. В. (1833—1847 гг.), 557/с XXIII б. 1, лл. 4—13.

ской губернии, сыграв весьма значительную роль в просвещении края (в частности, в устройстве первой публичной библиотеки в Симбирске).

А. М. Языков был близко знаком с Пушкиным, который читал ему рукопись «Истории Пугачева»¹.

В середине 20-х годов, живя в Петербурге, Языков познакомился и сблизился с В. Д. Комовским, с которым был потом связан узами тесной дружбы на протяжении четверти века. По указаниям А. М. Языкова Комовский перевел названные книги Менцеля и Шлегеля (перевод книги Шлегеля посвящен А. М. Языкову), доставившие ему литературную известность. По его же совету Комовский начал в 1828 году библиографическую деятельность. Благодаря своему служебному положению в Главном управлении цензуры, Комовский имел возможность получать как списки всего изданного за год, так и вновь вышедшие книги. Ежегодно, в декабре месяце он составлял отчеты по цензуре, в которые входили также списки книг, одобренных к напечатанию в течение года. Такой список за 1829 год Комовский по совету А. М. Языкова послал к брату последнего, и тот передал его М. П. Погодину для опубликования в «Московском вестнике».

«Список книг, изданных в России в течение 1829 года, я пошлю по тяжелой почте², — пишет Комовский поэту. — [. . .] Если вы найдете его годным, то сделайте одолжение объясните [по-видимому, Погодину. — Л.Р.], что в нем наблюдается величайшая (сколько было можно) верность с титулами книг, все странности, особливо в рассуждении знаков препинания, удержаны без перемен. Может быть это — библиографический педантизм; но мне казался он не лишним. Я могу доставить список и книг, изданных в первой половине сего года»³.

Список попал к Погодину с опозданием из-за эпидемии холеры, и поэтому был напечатан только в 4 и 5-м выпусках за 1830 год. Редактор «Московского вестника» остался доволен списком, но взыскательный А. М. Языков отметил в нем важное упущение — отсутствие книг, изданных помимо Главного управления цензуры. Сообщая об этом Комовскому, он развивает интересные взгляды на текущую библиографическую регистрацию:

«Погодин в восхищении от списков, которые вы доставили брату для помещения в «[Московском] вестнике», я писал им о необходимости дополнить тем, что издано мимо ваших [цензурных] ком[итетов] [. . .] и мы наконец получим полную библиографию хотя одного года; сколько соображений можно из оной вывести,

¹ Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом). Фонд Языковых. Письма А. М. Языкова к В. Д. Комовскому. 19.4.104, п. № 96, л. 1—2, 23/XI-1834.

² Так в 20-х—30-х гг. прошлого века назывался один из способов почтовых пересылок.

³ Там же. Письма В. Д. Комовского к Н. М. Языкову и братьям 19.4.62. Палка «Письма В. Д. Комовского 1830 года», л. 2.

сколько примечаний можно к ней прибавить! Тут есть об чем по-толковать охотнику, знатоку и наблюдателю успехов нашего просвещения; по этим фактам всякий увидит, в которую сторону мы развиваемся более, в которую менее и в которую совсем не развиваемся, а мыслитель может с высшей точки воззрения показать как должно нам развиваться, подкрепив это как доводами, выведенными из характера народа, из требований современного просвещения и из идеи человечества»¹.

В своем отношении к полной текущей библиографической регистрации А. М. Языков не был одинок, — таковы были взгляды либеральной интеллигенции 30-х годов XIX века.

Вопрос о создании «полной библиографии» стоял в это время на очереди дня.

Большинство литературных журналов первой трети XIX века обещали в своих программах дать читателям полную текущую библиографическую информацию: «Современный наблюдатель» П. М. Строева, «Благонамеренный» А. Е. Измайлова, «Московский телеграф» Н. А. Полевого, «Современник» А. С. Пушкина, не говоря уже о «Сыне отечества» Н. И. Греча, который отчасти реализовал эту программу в 1814—28 гг. Заслуживает внимания сообщение Комовского о том, что Греч в 1831 году имел намерение возобновить текущую регистрацию книг в «Сыне отечества». «Греч приставал, — пишет он А. М. Языкову, — чтобы я присылал ему объявления о выходящих книгах — я-де получаю все в Гл[авном] упр[авлении] ц[ензуры]»². Однако Комовский не считал для себя возможным выполнить просьбу Греча, хоть в это время и зависел от него, так как, желая оставить службу, искал литературного заработка. Причину своего отказа он излагает в том же письме: «Мои мысли и мнения «Сев[ерной] Пч[елы]» и «Сын[а] От[чества]» никак не гармонируют». Он просит свести его с Н. И. Надеждиным, только что начавшим издавать «Телескоп». Состоялось ли это знакомство — неизвестно.

Н. П. Барсуков сообщает, что когда М. П. Погодин опубликовал программу «Москвитянина», она подверглась критике со стороны неизвестного корреспондента, который писал Погодину: «А ваша библиография? Кажется, будто вы не предполагаете знакомить ваших читателей со всеми без изъятия русскими книгами? Если это так, то это опять великая ваша ошибка. Без полной библиографии не будет ходу никакому журналу»³.

Однако, выражая взгляды либеральной интеллигенции своего времени, Александр Языков вносит много нового в понимание роли и значения библиографической регистрации.

¹ Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом). Письма А. М. Языкова к В. Д. Комовскому. 19.4.104, п. № 26, л. 1, 5/VIII-1830. Подчеркнуто А. М. Языковым. *Л. Р.*

² Там же, письма В. Д. Комовского к Н. М. Языкову и братьям. 19.4.62. Папка: письма 1831 года, лл. 1—2 (без даты).

³ Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. 5, СПб. 1892, с. 505—506.

Любопытно в этом смысле сравнить его мнение с высказываниями о библиографии Н. И. Надеждина, которого Чернышевский считал «одним из лучших тогдашних журналистов», «образователем» и прямым предшественником Белинского.

«Должно сознаться, — пишет Надеждин в рецензии на «Список» Комовского, — что при нынешнем состоянии умственного образования Библиография имеет великую важность. [. . .]. Будучи изложена в систематической полноте, она представляет верную статистику современного просвещения. Результаты ее, весьма важные для ученого наблюдателя, занимательны и для простого любопытства. [. . .]. Нужен только чичероне, который бы умел не только назвать имена, но и растолковать [. . .] свойства всех многочисленных и многообразных изделий пишущего человечества. Для журнала сию должность может исправлять, как нельзя лучше, Рецензия, [. . .] с помощью сей подруги, Библиография может — если не задерживать, то по крайней мере зацеплять слегка летучее внимание»¹.

Отличаясь более широким взглядом на библиографию, Александр Языков считает ее не только показателем культурного уровня народа, но и мощным фактором культуры. Отделяя библиографическую регистрацию от критической библиографии и признавая ее самостоятельное существование и большую культурно-историческую ценность, он делает значительный шаг вперед в понимании роли и значения библиографии. Автор «Списка» Комовский был несколько смущен широкими задачами, поставленными перед ним его другом и наставником. «Смотря на список книг с указанных вами точек зрения, — пишет он, — бесспорно можно открыть многое; но для этого нужен глаз зоркий и опытный — а я, как вы знаете, ношу очки. [. . .]. Попробую нынешний раз пойти по вашим указаниям»². Погодин, которому «Список» нужен был только для того, чтобы выполнить обещание, данное читателям в начале издания, не внял совету А. М. Языкова и не позаботился о том, чтобы пополнить его книгами, не проходившими цензуру Министерства народного просвещения. С неудовольствием отмечая это, А. М. Языков советует Комовскому: «На будущий год не худо вам, человеку добросовестному и точному, самим официально вытребовать от всех мест, издающих книги без Ц[ензуры], или особо цензирующих, списки всего ими изданного или пропущенного в течение года. [. . .]. Не шутя советую вам это сделать в январ[е] или феврал[е], Ком[итет] верно согласится пополнить свой отчет, вам будет честь и слава, а нам удовольствие»³.

Постоянными напоминаниями, просьбами, советами Александр

¹ «Телескоп», 1831, № 1, с. 113—114.

² Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом). Фонд Языковых. Письма В. Д. Комовского Н. М. Языкову и братьям. 19.4.62. Папка «Письма Комовского 1830 года», л. 1, 23/VIII-1830.

³ Там же. Письма А. М. Языкова к В. Д. Комовскому. 19.4.104, п. 90, л. 1, 4/XI-1830.

Языков побуждает Комовского использовать свое выигрышное служебное положение для создания текущей регистрации произведений печати и сводной библиографии за ряд лет. Так, из писем Комовского мы узнаем, что он составил не дошедший до нас библиографический список за пятилетие (1829—1833 гг.)¹.

Когда министром народного просвещения в 1833 г. был назначен С. С. Уваров, добивавшийся, как мы видели выше, деятельного сотрудничества Комовского, последнему пришла в голову блестящая идея: склонить министра к публикации библиографических списков в официальном порядке. Вот что пишет он об этом: «По положению Комитета министров позволено каждому из министров печатать ежегодно представляемые ими отчеты, выпуская то, что не должно быть объявлено во всеобщее сведение. Вместо отчетов по цензуре, которые не могут быть важны, я хочу предложить Увар[ову] велеть напечатать библиографический список книг, вышедших в России со времен нового устава о цензуре [т. е. с 1828 г. — Л. Р.]. Для этого попрошу его содействия к собранию сведений о книгах, изданных мимо Цензуры, Духовным ведомством в Финляндии и проч. В виде предисловия можно будет прибавить толкований общих, сравнений и проч. Вот вам для доказательства, что я готов вас слушаться и рад стараться! Жду вашего содействия»².

Какая судьба постигла этот список и почему он не был опубликован, — неизвестно; но первостепенный интерес имеет для нас известие о том, что идея публикации официальным порядком списков национальной печатной продукции вышла не из бюрократически-чиновничьих кругов, а из среды либеральной дворянской интеллигенции. Уже эта историческая справка опровергает тезис Н. В. Здобнова о цензурно-полицейских задачах «Указателя».

В 1834 году начинает выходить «Журнал Министерства народного просвещения» и А. М. Языков побуждает Комовского публиковать в нем списки вновь вышедших книг. Он очень удивлен, что не находит их в журнале. «Журнал М[инистерства] Пр[освещения]» получили, — пишет он Комовскому в марте 1834 года, — странно, что вас тут нет!»³.

6(?)

В майской книжке ЖМНП за 1834 год Комовский опубликовал за подписью В. К. очень интересное «Обозрение книг, вышедших в России в 1835 году», для которого использовал свои библиографические материалы.

К сожалению, письма Комовского за 1835—1837 гг. не сохра-

нились, и мы не имеем возможности узнать, каким образом удалось ему склонить Уварова к публикации ежемесячных списков вновь выходящих книг в «Журнале Министерства народного просвещения». Вероятно, Комовский прельстил министра парадной стороной этого дела — возможностью блеснуть списками книжной продукции как одним из доказательств успехов народного просвещения. Во всяком случае, в своем отчете Николаю I Уваров, характеризуя деятельность «Журнала Министерства народного просвещения» в 1837 году (год возникновения государственной библиографической регистрации), — перечисляет «Указатель» наряду с важнейшими научными достижениями. «Журнал, — пишет он, — постоянно *извещал публику* о трудах Академии наук, Археологической Комиссии и вообще обо всех произведениях русской современной письменности»¹. О цензурных целях этого списка нет ни слова.

Точно так же и редакция министерского журнала через год после возникновения «Указателя» отмечает его, как одно из доказательств успехов народного образования, ставя его в один ряд с традиционными для ЖМНП «Обозрениями газет и журналов». В октябрьской книжке ЖМНП в редакционной статье «Взгляд на содержание «Журнала Министерства народного просвещения» за минувшее пятилетие» говорится: «Стараясь достигать возможной полноты в сообщаемых публике сведениях, редакция [. . .] представила сравнительную картину успехов обучения в России, помещала в журнале *списки книг, вышедших у нас на всех языках*, и столь же полные сведения о журналах»².

Заметим кстати, что «Общие отчеты» по МНП публиковались для всеобщего сведения и из них каждый мог узнать, что с 1837 года в ЖМНП печатались списки вновь выходящих книг. Не делает из этого тайны и редакция журнала, как это видно из приведенной выше цитаты. Когда в 1839 году организуются «Прибавления» к ЖМНП, редакция объявляет также и о выходе «Библиографических прибавлений», которые «должны состоять из указателя всех в России выходящих в свет книг» (ЖМНП, 1838, № 10, стр. 22). Таким образом, «безмолвное» возникновение «Указателя», на котором так настаивает Н. В. Здобнов, является ни на чем не основанным домыслом автора.

Осуществлению замысла Языкова и Комовского способствовало и то обстоятельство, что последний с конца 1836 года был близок к канцелярии министра. Сделавшись главой этой канцелярии и оставаясь одновременно правителем дел Главного управления цензуры, Комовский легко мог организовать как описание книг группой чиновников, так и доставку самих книг.

Разумеется, чиновники, описывавшие книги для «Указателя» (состав которых, кстати, довольно часто менялся), не были биб-

¹ Общий отчет, представленный его императорскому величеству по Министерству народного просвещения за 1837 год. СПб., 1838, с. 139. (Курсив мой. Р. Л.)

² ЖМНП, 1838, № 10, с. 4. (Курсив мой Л. Р.)

¹ Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом). Письма В. Д. Комовского к Н. М. Языкову. 1492. VII. С. 10, л. 54, 20/X-1833 (ошибка: письмо к А. М. Языкову. — Л. Р.).

² Там же. Письма В. Д. Комовского к А. М. Языкову. 19.4.122. Папка «Письма без даты», л. 2. (По-видимому, письмо относится к сентябрю 1833 года, т. к. в нем содержится упоминание о проекте Комовского об учреждении Комитета для снабжения училищ учебными пособиями. Аналогичное сообщение встречается в письме к Н. М. Языкову от 15 сентября 1833 года. — Л. Р.)

³ Там же, письма А. М. Языкова к В. Д. Комовскому. 19.4.104, п. № 86, л. 2, 6/III-1834.

Языков побуждает Комовского использовать свое выигрышное служебное положение для создания текущей регистрации произведений печати и сводной библиографии за ряд лет. Так, из писем Комовского мы узнаем, что он составил не дошедший до нас библиографический список за пятилетие (1829—1833 гг.)¹.

Когда министром народного просвещения в 1833 г. был назначен С. С. Уваров, добивавшийся, как мы видели выше, деятельного сотрудничества Комовского, последнему пришла в голову блестящая идея: склонить министра к публикации библиографических списков в официальном порядке. Вот что пишет он об этом: «По положению Комитета министров позволено каждому из министров печатать ежегодно представляемые ими отчеты, выпуская то, что не должно быть объявлено во всеобщее сведение. Вместо отчетов по цензуре, которые не могут быть важны, я хочу предложить Увар[ову] велеть напечатать библиографический список книг, вышедших в России со времен нового устава о цензуре [т. е. с 1828 г. — Л. Р.]. Для этого попрошу его содействия к собранию сведений о книгах, изданных мимо Цензуры, Духовным ведомством в Финляндии и проч. В виде предисловия можно будет прибавить толкований общих, сравнений и проч. Вот вам для доказательства, что я готов вас слушаться и рад стараться! Жду вашего содействия»².

Какая судьба постигла этот список и почему он не был опубликован, — неизвестно; но первостепенный интерес имеет для нас известие о том, что идея публикации официальным порядком списков национальной печатной продукции вышла не из бюрократически-чиновничьих кругов, а из среды либеральной дворянской интеллигенции. Уже эта историческая справка опровергает тезис Н. В. Здобнова о цензурно-полицейских задачах «Указателя».

В 1834 году начинает выходить «Журнал Министерства народного просвещения» и А. М. Языков побуждает Комовского публиковать в нем списки вновь вышедших книг. Он очень удивлен, что не находит их в журнале. «Журнал М[инистерства] Пр[освещения]» получили, — пишет он Комовскому в марте 1834 года, — странно, что вас тут нет!»³.

6(?)

В майской книжке ЖМНП за 1834 год Комовский опубликовал за подписью В. К. очень интересное «Обозрение книг, вышедших в России в 1835 году», для которого использовал свои библиографические материалы.

К сожалению, письма Комовского за 1835—1837 г.г. не сохра-

¹ Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом). Письма В. Д. Комовского к Н. М. Языкову. 1492. VII. С. 10, л. 54, 20/X-1833 (ошибка: письмо к А. М. Языкову. — Л. Р.).

² Там же. Письма В. Д. Комовского к А. М. Языкову. 19.4.122. Папка «Письма без даты», л. 2. (По-видимому, письмо относится к сентябрю 1833 года, т. к. в нем содержится упоминание о проекте Комовского об учреждении Комитета для снабжения училищ учебными пособиями. Аналогичное сообщение встречается в письме к Н. М. Языкову от 15 сентября 1833 года. — Л. Р.)

³ Там же, письма А. М. Языкова к В. Д. Комовскому. 19.4.104, п. № 86, л. 2, 6/III-1834.

нились, и мы не имеем возможности узнать, каким образом удалось ему склонить Уварова к публикации ежемесячных списков вновь выходящих книг в «Журнале Министерства народного просвещения». Вероятно, Комовский прельстил министра парадной стороной этого дела — возможностью блеснуть списками книжной продукции как одним из доказательств успехов народного просвещения. Во всяком случае, в своем отчете Николаю I Уваров, характеризуя деятельность «Журнала Министерства народного просвещения» в 1837 году (год возникновения государственной библиографической регистрации), — перечисляет «Указатель» наряду с важнейшими научными достижениями. «Журнал, — пишет он, — постоянно *извещал публику* о трудах Академии наук, Археографической Комиссии и вообще *обо всех произведениях русской современной письменности*»¹. О цензурных целях этого списка нет ни слова.

Точно так же и редакция министерского журнала через год после возникновения «Указателя» отмечает его, как одно из доказательств успехов народного образования, ставя его в один ряд с традиционными для ЖМНП «Обозрениями газет и журналов». В октябрьской книжке ЖМНП в редакционной статье «Взгляд на содержание «Журнала Министерства народного просвещения» за минувшее пятилетие» говорится: «Стараясь достигать возможной полноты в сообщаемых публике сведениях, редакция [. . .] представила сравнительную картину успехов обучения в России, помещала в журнале *списки книг, вышедших у нас на всех языках*, и столь же полные сведения о журналах»².

Заметим кстати, что «Общие отчеты» по МНП публиковались для всеобщего сведения и из них каждый мог узнать, что с 1837 года в ЖМНП печатались списки вновь выходящих книг. Не делает из этого тайны и редакция журнала, как это видно из приведенной выше цитаты. Когда в 1839 году организуются «Прибавления» к ЖМНП, редакция объявляет также и о выходе «Библиографических прибавлений», которые «должны состоять из указателя всех в России выходящих в свет книг» (ЖМНП, 1838, № 10, стр. 22). Таким образом, «безмолвное» возникновение «Указателя», на котором так настаивает Н. В. Здобнов, является ни на чем не основанным домыслом автора.

Осуществлению замысла Языкова и Комовского способствовало и то обстоятельство, что последний с конца 1836 года был близок к канцелярии министра. Сделавшись главой этой канцелярии и оставаясь одновременно правителем дел Главного управления цензуры, Комовский легко мог организовать как описание книг группой чиновников, так и доставку самих книг.

Разумеется, чиновники, описывавшие книги для «Указателя» (состав которых, кстати, довольно часто менялся), не были биб-

¹ Общий отчет, представленный его императорскому величеству по Министерству народного просвещения за 1837 год. СПб., 1838, с. 139. (Курсив мой. Р. Л.)

² ЖМНП, 1838, № 10, с. 4. (Курсив мой Л. Р.)

лиографами (а тем более «незаурядными»). Они добросовестно описывали книги по данному им образцу и по мере своего разумения распределяли их по разделам принятой для «Указателя» схемы классификации. Произвольность и нечеткость классификации книг в «Указателе» объясняется именно тем, что составляли его случайные люди¹.

Заметим, что при ознакомлении со схемой классификации, принятой в «Указателе», обращает на себя внимание ее несхожесть со всеми известными в это время русскими классификациями. Она резко отличается как от схем А. Н. Оленина, В. Г. Анастасевича, П. Г. Демидова, так и от классификации публиковавшихся в ЖМНП «Обзрений русских газет и журналов». Возникает вопрос об источниках этой схемы. Проанализировав различные классификационные системы этих лет, мы нашли, что только один библиографический труд имеет классификацию, сходную с «Указателем вновь выходящих книг». Это как раз «Список всех книг, вышедших в России в 1829 году», автор которого — В. Д. Комовский.

Сравним эти классификации:

«Список всех книг, вышедших в России в 1829 году»	«Указатель вновь выходящих книг»
I Азбуки. Детские книги. Грамматика, риторика и пр.	I. Азбуки
II. Филология ориентальная и древ. неклассическая	II. Грамматики
III. Стихотворения	а) русского языка
1. Собрания стихотворений	б) других языков
2. Стихотворения лирического рода	III. Пособия к изучению языков
3. Стихотворения эпического рода	IV. Книги для детского чтения
IV. Проза	V. Теория и история словесности и других изящных искусств
V. Драматическая литература	VI. Словесность
VI. Философия и богословие	A. Поэзия
VII. Историко-географические науки	а) собрания стихотворений
VIII. Науки юридико-политические	б) стихотворения лирического рода
IX. Военные науки	в) стихотворения повествовательного рода
X. Математические науки	г) драматические сочинения
XI. Книги медицинские	

¹ Например, в раздел «Словесность» сплошь и рядом попадают книги по различным отраслям знания и богословские сочинения: «Правила, употребляемые при obleжании крепостей, распределении и действии войск под оными» («Указатель», 1840, июль, с. 40), «О величии поверхности шара» (там же, 1840, декабрь, с. 180), «Описание сражений Английского флота с 1690 по 1827 г. С критическим разбором и чертежами» (там же, 1841, февраль, с. 35), «Слово в день Рождества Христова, произнесенное в Одесском преображенском кафедральном соборе, Гавриилом» (там же, 1841, март, с. 46) и т. п.

«Список всех книг, вышедших в России в 1829 году»	«Указатель вновь выходящих книг»
XII. Смесь	Б. Проза
XIII. Книги на еврейском языке	а) разные сочинения
	б) повести и романы
	VII. Филология
	VIII. Философия и педагогика
	IX. Богословие
	X. История
	а) всеобщая
	б) других народов
	XI. География, статистика и путешествия
	XII. Государственные и юридические науки
	XIII. Военные науки
	XIV. Естественные науки
	XV. Сельское хозяйство и технология
	XVI. Медицина
	XVII. Смесь
	XVIII. Еврейские книги

Нет никакого сомнения в том, что схема классификации «Указателя» есть не что иное, как расширенная и усовершенствованная схема «Списка» В. Д. Комовского. Однажды приняв эту схему для своих библиографических работ, он остался ей верен, и она сохраняется в «Указателе вновь выходящих книг», составлявшемся по его инициативе в канцелярии министра народного просвещения.

Следует отметить, что в «Списке» Комовского, которому никто никогда не приписывал цензурно-полицейских функций, точно так же, как и в «Указателе вновь выходящих книг», выделяются отдельной рубрикой еврейские книги¹.

Раздел «Богословие» в «Списке», так же, как и в основном тексте «Указателя», заполняется главным образом католическими

¹ Это для нас чрезвычайно существенно, так как факт выделения еврейских книг отдельной рубрикой в «Указателе вновь выходящих книг» является одним из основных аргументов Н. В. Здобнова в обосновании его тезиса о цензурно-полицейских функциях «Указателя». «За еврейскими книгами, — пишет он, — наблюдал особый цензурный и сверхцензурный аппарат, и для удобства работы этого аппарата целесообразнее было выделять еврейские книги из общей системы в специальный отдел» (Цит. соч., изд. 1-е, с. 183). Вообще, Н. В. Здобнов склонен поставить репрессии против еврейской литературы, предпринятые царским правительством в 1836 г., в прямую связь с возникновением «Указателя вновь выходящих книг» (там же, с. 179—180).

и протестантскими книгами и тоже производит «антиправославное» впечатление. Чем объясняется это явление, натолкнувшее Н. В. Здобнова на мысль о том, что для «Указателя» производился отбор подозрительной литературы? Дело в том, что цензура книг «инославных исповеданий» находилась в ведении гражданских властей, главным образом, в ведении Управления духовными делами иностранных исповеданий, которое создавало на местах свои органы в лице епископов, настоятелей монастырей и епархиальных ксендзов-цензоров. Окончательной цензурной инстанцией, в случае возникновения каких-либо недоразумений при цензуровании иностранных книг, являлось Главное управление цензуры МНП. Таким образом, на эти книги распространялись законы о цензуре и о доставке обязательного экземпляра в такой же мере, как и на литературу светского характера. Иным было положение православной литературы. Высшей духовно-цензурной инстанцией был синод. Низшую составляли духовно-цензурные комитеты в Петербурге, Москве и других городах. Эти комитеты рассматривали подавляющее большинство церковной литературы, и только крайне незначительное количество книг, вроде первых изданий жития святых разрешал к выходу в свет синод. Средством для ознакомления высшей духовно-цензурной инстанции с деятельностью местных комитетов и надзора за ними служили, согласно уставу, годовые отчеты с помещавшимися в них списками одобренных к печатанию книг. Вначале они не имели строго определенной формы, но «уже через год по вступлении Протасова¹ в синод [т. е. в 1837 г. — Л. Р.] все духовно-цензурные комитеты были охвачены новыми усовершенствованными рамками годовых отчетов»². Протасов «принял под свою опеку ту сторону цензурного надзора, которая особенно соответствовала характеру как его, так и его вдохновителя К. Сербиновича»³. «Однако, — пишет далее историк, — строгая отчетность должна была служить не одним целям цензурного надзора. Она давала цифры, необходимые для статистики успехов духовного просвещения»⁴.

Итак, в 1837 году для большей централизации духовно-цензурного надзора была введена строгая отчетность местных цензурных комитетов, которые присылали в синод списки книг, одобренных ими к напечатанию в истекшем году. По рассмотрении синодом эти списки, по-видимому, и помещались в ежегодных «Дополнениях» к «Указателю вновь выходящих книг», в котором они, разумеется, выполняли уже не функцию надзора за печатью, а являлись «статистикой успехов духовного просвещения».

Православная литература помещалась в годовичных дополнениях к «Указателю» в течение всего периода существования этого издания, несмотря на то, что в годы цензурного террора (1848—1855)

положение «благонамереннейшей» церковной литературы было не столь прочным, как полагает Н. В. Здобнов.

С самого начала своего возникновения (1848 г.) бутурлинский комитет ставит под бдительный надзор и религиозную литературу, опасаясь даже косвенных намеков на современность, тем более, что «богослужбные книги, печатаемые в типографиях св. синода, не подлежали рассмотрению цензурных комитетов, как издаваемые собственно от церкви и на ответственности синода»¹.

Бутурлинский комитет составляет одно за другим «конфиденциальные отношения», в которых подвергаются критике уже выпущенные в свет с разрешения синода богословские сочинения («О таинствах единой, святой, соборной и апостольской церкви» архиепископа Игнатия воронежского, «Речи» епископа рижского Платона, «Поучительные слова» архимандрита Гавриила и много других)². В речах епископа Платона, бывшего цензора спб. духовного комитета «комитет не мог не заметить [. . .] некоторых суждений о политических обстоятельствах, которые в печати могут подать легкомысленным читателям повод к неблагоприятным и превратным толкованиям»³. Обер-прокурор синода граф Протасов, терроризированный доносами бутурлинского комитета, принял свои контрмеры: 4-го апреля 1851 года при синоде был организован негласный комитет для просмотра уже вышедших в свет книг богословского содержания. В докладе Николаю I Протасов писал по этому поводу: « . . . долгом считаю испрашивать высочайшего вашего императорского величества соизволения на учреждение [. . .] при святейшем синоде особого комитета (по примеру комитета 2-го апреля 1848 года) для высшего надзора за направлением всех произведений нашего книгопечатания, в пропуске коих участвует духовная цензура»⁴. Комитет был основан и просуществовал до 1860 г. (одним из членов его был К. С. Сербинович — в то время директор канцелярии Протасова).

Таким образом, мы видим, что «отбор» книг для раздела «Богословие» был обусловлен не той или иной степенью благонадежности этой литературы, как полагал Н. В. Здобнов, а сложной иерархией, царившей в цензурных учреждениях, и ограниченными возможностями Главного управления цензуры МНП.

Из цитированного выше письма Комовского к А. М. Языкову от 15 сентября 1833 г. явствует, что даже правитель дел Главного Управления цензуры не мог без содействия министра получить списки книг, изданных духовным ведомством. Такие же затруднения испытал Комовский со «Списком» 1829 года. «Совет ваш о пополнении списка книг едва ли можно исполнить, — писал он А. М. Языкову в ноябре 1830 г. — Как требовать книг 1. от Духов[ной] Цензуры, 2. Академии наук [. . .]? Я постараюсь со-

¹ Котович А. Цит. соч., с. 500

² Там же, с. 501—509.

³ Там же, с. 499.

⁴ Там же, с. 512.

¹ Обер-прокурор синода. — Л. Р.

² Котович А. Духовная цензура в России (1799—1855). СПб., 1909, с. 358.

³ Там же, с. 358.

⁴ Там же, с. 359.

брать сведения частным образом»¹. Возможно, что доставке ежегодных списков православной литературы в «Указатель» содействовал редактор ЖМНП Сербинович, занимавший одновременно (с 1836 года) должность директора канцелярии обер-прокурора синода.

В 1851 году В. Д. Комовский умер, и в судьбе организованного им «Указателя вновь выходящих книг» произошли значительные перемены. С 1852 года существенно меняется классификация книг в «Указателе», приобретая иную идеологическую направленность — на первое место выносятся богословие, с следующими за ним философией и политическими науками.

«Указатель» после смерти Комовского составляется все более и более небрежно. Перед нами любопытный документ — письмо К. С. Сербиновича к В. И. Кузнецову, сменившему Комовского на должности директора канцелярии министра народного просвещения. «По утвержденному начальством плану журнала Министерства, — пишет Сербинович, — в прибавлениях к нему помещается Указатель выходящих в России и Царстве Польском книг. Этот Указатель получается редакцией из Канцелярии Министра и прежде доставлялся своевременно, так что при каждой книжке журнала можно было помещать Указатель книг, вышедших в свет в истекшем месяце. А теперь это делается так поздно, что Указатель книг за Генварь и Февраль пришлось поместить при июньской книжке, и по той же причине следующие к журналу 1852 года прибавления с Указателями выходящих в свет книг могли быть заключены не прежде половины текущего года. Оттого и переплетаемый для государя экземпляр журнала не мог быть приготовлен прежде»².

Далее следует просьба Сербиновича о распоряжении по этому поводу. На письме стоит резолюция Кузнецова: «Потребовать немедленно объяснения от г. Галова». Помощник секретаря Галов, по-видимому, в это время возглавлявший группу чиновников, описывавших книги для «Указателя», отвечает начальству, «что позднее доставление указателей вновь выходящих книг в Редакцию Журнала Министерства народного просвещения произошло, во-первых, от того, что книги, по получении из цензурных комитетов и от отдельных цензоров, немедленно отсылаются на рассмотрение к чиновникам особых поручений и, во-вторых, что принято за правило отсылать эти указатели вместе за два месяца».

На это вновь следует грозная резолюция Кузнецова: «Доставлять Указатели в Редакцию без малейшего замедления, и притом не за 2 месяца вдруг, а за каждый месяц отдельно».

¹ Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом). Фонд Языковых. Письма В. Д. Комовского к Н. М. Языкову и братьям. 19.4.62. 22/XI-1830, л. 3.

² ЦГИАЛ, фонд 772, опись 1, дело 150420. Об Указателе вновь выходящих книг в России и Царстве Польском, л. 1—3. (Курсив мой — *Л. Р.*)

В. И. Кузнецов, к которому обращается Сербинович, был членом организованного в 1851 году при министре народного просвещения Ширинском-Шихматове особо секретного комитета «людей истинно способных», в задачу которого входил негласный контроль над цензурой¹. В 1853 году он назначается директором канцелярии министра народного просвещения и получает в свое распоряжение составляемый подчиненными ему чиновниками «Указатель вновь выходящих книг». Искушенный в деле надзора за печатью, он, казалось бы, должен был обратить особо пристальное внимание на своевременное составление «Указателя». Однако это не происходит. Напротив, при Кузнецове «Указатель» выходит с большим опозданием, о чем этот чиновник и не знает, т. к. не ставит его ни в какую связь с делом надзора за печатью. Понадобилось вмешательство педантичного Сербиновича, чтобы начальство обратило внимание на свой «сверхцензурный» орган.

Итак, «Указатель вновь выходящих книг» возник по инициативе представителей либеральной дворянской интеллигенции, ощущавшей настоятельную потребность в полной текущей библиографической информации, прекрасно понимавшей ее культурно-историческое значение и ставившей перед ней просветительские задачи.

Дату возникновения этого мероприятия — 1837 г. — можно считать в известной мере условной, т. к. мы видели, что текущая регистрация произведений печати велась Комовским с 1829 года, и только полное непонимание роли библиографии царскими сановниками помешало ее своевременному опубликованию. Как только служебное положение Комовского позволило ему провести в жизнь свою идею — возникла текущая библиографическая регистрация. Вдохновитель Комовского — Александр Языков, развивая перед своим корреспондентом замечательные взгляды на роль и значение «полной библиографии», вероятно, полагал, что у нее будет достаточно обширный круг читателей². Однако этого не произошло. «Указатель вновь выходящих книг» не имел никакого успеха у читающей публики. Прежде всего, он был неудобен для пользования. Книги в нем классифицировались небрежно, а в пределах одной рубрики представляли собой хаотическую массу названий. Он не был снабжен вспомогательными указателями, точно так же, как и «Список» Комовского 1829 года.

Благодаря внушениям своего друга Комовский уяснил себе роль текущей библиографической регистрации, но он не был библиографом-профессионалом и не сумел придать «Указателю» наи-

¹ См. «Русская старина», 1903, № 10, с. 174—175.

² К сожалению, мы не располагаем данными, позволяющими установить отношение А. М. Языкова к «Указателю вновь выходящих книг», ибо единственный источник, на который можно было бы положиться, — переписка с В. Д. Комовским — сохранился неполностью.

более удобную библиографическую форму. Это, конечно, чрезвычайно затрудняло пользование «Указателем».

Кроме того, в ранее предпринимавшихся попытках создания полной библиографической регистрации списки книг сопровождались аннотациями и рецензиями, а иногда и серьезными критическими обзорами. А сухие, непривычные для читателя¹ списки «Указателя вновь выходящих книг», в котором впервые учетно-регистрационная библиография была отделена от критической, — не могли в то время иметь успеха. К тому же они публиковались в узко-специальном, мало популярном журнале и просто остались неизвестными большинству читателей. Вот почему некоторые литературные журналы, независимо от ЖМНП, пытались организовать учет вновь выходящей книжной продукции («Отечественные записки» — с 1839 г., «Современник» Панаева и Некрасова — в 1847 г. и другие).

Следует, однако, отметить, что «Отечественные записки» дважды, в 1846 г. (т. 44, с. 39—40) и 1851 г. (т. 77, с. 76—77) поместили положительные отзывы на «Указатель вновь выходящих книг», обращая внимание своих читателей на него как на «драгоценное пособие для библиографов и для занимающихся историей русской литературы», отметив вместе с тем и ряд его недостатков.

В середине 1855 года, в связи с реформой ЖМНП, были уничтожены все «Прибавления» к журналу, в том числе и библиографические, на страницах которых публиковался «Указатель вновь выходящих книг». Новый редактор журнала А. В. Никитенко в неопубликованной записке «Мысли о программе «Журнала Министерства народного просвещения», излагая свой взгляд на библиографический отдел «официального журнала», писал: «Он должен говорить только о книгах замечательных, а не о всяком сборе [. . .] Преимущественное внимание должно быть обращено на полноту перечисления дельных специальных книг [. . .] Краткость и дельность указаний на содержание книги — вот цель библиографии в «Журнале Министерства народного просвещения»².

Таким образом, А. В. Никитенко, вопреки утверждению Н. В. Здобнова, не понимал культурно-исторического значения государственной библиографической регистрации, считая, что ЖМНП должен заниматься рецензированием только «специальных» научных сочинений, отказавшись от библиографирования «всякого сбора».

Однако причину прекращения государственной библиографической регистрации следует искать, как нам кажется, гораздо глубже. Дело тут не только и не столько в стремлении редактора

избавить журнал от «балласта», сколько в неуспехе «Указателя вновь выходящих книг».

Государственная библиографическая регистрация, созданная с культурно-просветительскими целями, попав в руки чиновников, весьма далеких от этих устремлений, превратилась в казенно-бюрократическое мероприятие, продукция которого ни в какой мере не удовлетворяла читателя. «Указатель вновь выходящих книг» не представлял никакого интереса и для правительства (мы показали выше, что даже непосредственный хозяин этого дела — директор канцелярии министра народного просвещения Кузнецов не был в нем заинтересован). Выходивший нерегулярно, не снабженный вспомогательными указателями, имевший весьма нечеткую структуру, «Указатель» был непригоден для практического использования цензорами и другими представителями власти.

С начала 50-х годов «Указатель» выходит все более и более нерегулярно, и в середине 1855 года окончательно прекращает свое существование, не сыграв той роли, которая в более благоприятных общественных условиях могла бы выпасть на долю этого замечательного культурного начинания и о которой мечтал Александр Михайлович Языков — подлинный инициатор создания государственной библиографической регистрации 1837—1855 годов.

¹ Как мы видели из цитированной выше рецензии Надеждина.

² Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом). Фонд А. В. Никитенко. Бумаги по редакции «Журнала Министерства народного просвещения» (1846—1859) (18995), с. XXVI, б. 7, лл. 3—7 (Курсив мой — Л. П.).